

Валентина Рыкова: «В моей жизни было много чудес» | Valentina Rykova: "Ma vie était pleine de merveilles"

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 22.06.2011.

Валентина Ивановна Рыкова на балконе своей женеvской квартиры
Сегодня мы познакомим вас со старейшей, по нашим подсчетам, русской
жительницей Швейцарии, вернувшей в Россию архив Андрея Белого.

|
Nous vous présentons aujourd'hui la plus âgée habitante russe de Suisse, grâce à laquelle
la Russie a pu retrouver l'archive du poète Andrei Bely.
Valentina Rykova: "Ma vie était pleine de merveilles"

Валентина Ивановна Рыкова – фигура не публичная. Живет одна в женевской резиденции для пожилых людей, по ее собственным словам, мало кого знает в городе, где прошли более 50 лет. Ничем особым не знаменита, не прославлена. Почему же мы пришли с ней познакомиться сами и решили познакомить вас? Да потому, что за прожитый без малого век она стала свидетельницей событий, легших в основу нашей новейшей истории.

О встрече мы договорились на один из немногих дней, которые Валентина Ивановна собиралась провести в Женеве – после возвращения из Санкт-Петербурга и до отъезда на Лазурный берег. Пока я металась в поисках нужного дома, Валентина Ивановна с улыбкой наблюдала за этим процессом с уютного, заставленного цветочными горшками балкона, а затем встретила у лифта и бодрым шагом провела в свою квартиру.

2 октября 2011 года этой уроженке Петербурга исполнится 98 (!) лет. Она сама ходит за покупками ("хотя ноги болят"), сама готовит ("хотя в резиденции есть ресторан"). Лучший способ прийти в себя, когда очень устает – «закрыться, и спать, спать, спать... А потом становится лучше».

В ответ на мое изумление по поводу полного несоответствия цифры 98 внешнему виду собеседницы, она удовлетворенно улыбается:

- Вы не первая, кто так удивляется! Вот недавно врач в госпитале даже запросил перепроверить мое досье – глазам своим не поверил!

Наша Газета.ch: А в чем секрет?

Валентина Рыкова: А я как Ванька-встанька – как меня ни положи, все на ноги становлюсь. Любой ценой пытаюсь сохранить свою независимость до конца, насколько возможно.

«Война – это ужас, но гражданская война – это самый большой ужас, ведь убиваешь своих».

Валентина Рыкова родилась в петербургском Морском госпитале 2 октября 1913 года, ее отец был морским офицером. Как бывает порой с прожившими долгую жизнь людьми, некоторые далекие события она помнит очень четко, а другие – не очень.

- Первую мировую войну я помню смутно, - рассказывает она. - Осознанных воспоминаний осталось два: рядом со зданием, где мы жили, находился военный госпиталь, и ходить туда категорически запрещалось. И второе, связанное с первым – по улице шел человек в белом халате и нес таз с дымящейся, видимо, только что оторванной или ампутированной ногой...

Начало Гражданской войны также застало Валентину Ивановну с мамой в Петербурге. К 1917 году, когда многие решили покинуть Россию, сделать это стало крайне сложно, связь с внешним миром была практически прервана, и вот наступил день, когда вся надежда осталась на один, последний, поезд, который должен был увести дипломатов и иностранных подданных.

- Моя мама была тогда молодой и очень красивой женщиной, с большой фантазией, -

вспоминает Валентина Ивановна. – Она вспомнила, что родилась в Киеве и отправилась в украинское консульство. К каким хитростям ей пришлось прибегнуть, неизвестно, но только документы она получила!

Вместе с документами маме с четырехлетней дочкой досталось и место в заветном поезде – на нижней полке, в купе слева. С ними же ехал генерал, «о котором нельзя было говорить». Все ехали молча, ожидая остановки, прихода комиссара, досмотра. От этой поездки осталось ощущение причастности к заговору, к тайне.

И вот стук в дверь: комиссар, предъявите документы. "Все открыли чемоданы, и мы тоже. Он бегло взглянул, и вдруг взгляд его задержался на маленькой фарфоровой собачке, которую мы с собой везли. «Ой, я такие делал сотнями, когда учился в Женеве!», воскликнул он, и разговор перешел на французский. Ни у кого из нас ничего не забрали, никого с поезда не ссадили, но после ухода комиссара в купе еще долго стояла тишина, - заканчивает Валентина Ивановна рассказ о далеком эпизоде. – Так произошла моя первая заочная встреча с Женевой, так произошло первое маленькое чудо в моей жизни, которых потом еще было немало. Навсегда запомнились слова отца: «Война – это ужас, но гражданская война – это самый большой ужас, ведь убиваешь своих».

Затем судьба забросила семью Рыковых в Аушту, где м

(©Nasha Gazeta.ch)

ама Валентины Ивановны, совсем тогда молодая, 23-летняя женщина, пошла работать наставницей в приют для беспризорников, которых было великое множество. «Мама применила к ним такой же подход, как и ко мне: многое спускала с рук, но за вранье и ябедничанье строго наказывала. Ребята к ней привязались, когда мы уезжали, все они плакали, а мы с мамой хотели взять их всех с собой».

Наконец, наступил момент прощания не только с беспризорниками, но и с Родиной. Тогда Рыковы жили уже в Севастополе, в Морском госпитале. Исход «белых» подходил к концу, и Ивану Рыкову выпало управлять «Генералом Алексеевым», последним кораблем, вышедшим в те дни из севастопольской бухты в направлении Константинополя.

«Был вечер. Я стояла на берегу и смотрела, как горит Севастополь. Это было похоже на театральные декорации. Вокруг царит страх. На всю жизнь осталось это ощущение – огонь, тьма, грохот, страх... и все это приближается», - вспоминает Валентина Ивановна, устремляя взгляд в хорошо видную ей даль.

В Константинополе беженцам высадиться не удалось, и, обменяв золотые запонки на апельсины, они поплыли дальше, в Тунис, тогда французский протекторат. Следующие несколько лет Рыковы провели в лагере для беженцев в Безерте, где бытовые условия были крайне трудными, но действовали два класса школы. Четыре года семья прожила в каюте № 13 стоявшего в порту «Георгия Победоносца». Однако в 1925 году Франция признала Советскую власть, и задержавшихся гостей попросили вон.

«К тому моменту многие уже уехали во Францию и приняли подданство, но мой отец не соглашался. «Я давал присягу царю, русским родился, русским и умру», говорил он. Только в 1950-х он согласился на французское гражданство, а до тех пор мы все жили по Нансеновским паспортам».

Во Франции юная Валентина сначала ходила в католическую школу, где получила среднее образование, потом отец отдал ее в мужской колледж, где на 25 мальчиков приходились три девочки. «Там я научилась драться».

«Во Франции начали издавать тогда русские книги, журналы, газеты, через которые все искали друг друга. Мама всегда внимательно читала объявления и нашла-таки сестру, убежавшую из России через Сибирь и попавшую аж на Суматру, а потом поселившуюся в Польше с мужем-поляком».

"Был вечер. Я стояла на берегу и смотрела, как горит Севастополь. Это было похоже на театральные декорации. Вокруг царит страх. На всю жизнь осталось это ощущение – огонь, тьма, грохот, страх..."

После года, прожитого в Польше, пути матери и дочери временно расходятся. Валентина возвращается в Париж, живет в пансионе и учится в Консерватории имени Рахманинова в классе Юлия Конюса, прежде ведшего в Московской консерватории класс скрипки (1893–1901), а затем работавшего концертмейстером первых скрипок в Большом театре (1906–1909). (Мы уже имели возможность рассказать об этом талантливом человеке в одной из [ранних статей](#)). А ее мама уезжает в немецкую часть Швейцарии. После провала на экзаменах («целый год ничего не делала») мама требует, чтобы дочь немедленно приехала к ней.

То есть переезд в Швейцарию был для Вас своего рода наказанием за плохое поведение?

Можно сказать и так. Мне было 18 лет, и здесь, недалеко от Базеля, в городке

Дорнах, относящемся к кантону Золотурн, у меня началась совсем иная жизнь. Оказавшись в смешанной компании, где по-русски говорила только я, быстро выучила немецкий.

Были ли у Вас на тот момент осознанные планы на будущее?

Я мечтала стать актрисой, начала ходить в школу, но, попав через три года на сцену, поняла, что ничего не умею. Да и зарабатывать надо было начинать. И тут выяснилось, что местному оркестру срочно требуется арфистка, и я решила освоить эту специальность, благо город выделил стипендию.

И тут в Вашу жизнь вновь ворвалась война...

Да, а тут еще и паспорт кончился, надо было ехать в Париж его продлевать, иначе грозила высылка – в Дорнахе об этом уже начали поговаривать, хоть и неплохо ко мне относились. И тут случилось еще одно маленькое чудо. С вокзала в Дорнахе я провожала на войну своего знакомого, Олега Погибина. Говорили по-русски. И надо же – рядом с нами оказался французский консул в Базеле, ранее служивший в Петербурге и обожавший русских! Проблема с паспортом была улажена.

Известно, что во время Второй мировой войны на территории Швейцарии находилось немало [интернированных русских](#) – довелось ли Вам с кем-то из них столкнуться?

Действительно, один из лагерей для интернированных находился недалеко от Дорнаха, и мы с подружкой как-то туда отправились, познакомились с четырьмя русскими военными. Жилось им неплохо – они еще и нас подкармливали, заворачивали кусочки масла в газету. Они были совсем молодые ребята. В конце войны советские власти потребовали возвращения всех интернированных на Родину. Трех из наших знакомых спрятали швейцарцы, а четвертого, летчика, увели.

(©Nasha Gazeta.ch)

Их передавали в руки советских по ту сторону Рейна. Но Рейн – не Волга, с одного

берега другой виден хорошо, и видно было, как на глазах у швейцарцев их всех расстреляли. Тогда об этом писали все газеты, все партии пытались свалить ответственность друг на друга ...

Как получилось, что за такую долгую жизнь Вы ни с кем не связали свою судьбу?

Первое предложение о замужестве я получила еще в 16 лет, но, видно, очень было свободолюбивая, так и не встретила «того единственного». Что не мешало мне всегда иметь очень много друзей-мужчин.

Когда Вы впервые смогли побывать в России?

В 1955 году – через Общество дружбы, записавшись на курс изучения русского языка. Проходил он в Сочи, но летели мы через Москву.

И какое у Вас было тогда впечатление?

Как ни странно, выйдя из самолета и услышав отовсюду русскую речь, увидев такие знакомые русские морды, я ахнула и подумала: «Да я же тут дома!» На все остальное мне было наплевать, хотя многого я тогда не понимала. С тех пор я бываю в России регулярно.

Вы говорили о «чудесах» в Вашей жизни. Было же еще одно - восстановление Вашего российского (советского) гражданства в годы, когда это еще не было принято. За что Вам была оказана такая честь?

Дело в том, что в течение многих лет я очень дружила с Асей Тургеневой, женой Андрея Белого. Они тоже жили в Дорнахе, а Белый даже работал на строительстве Всемирного храма еще одного знаменитого мистика – Рудольфа Штейнера. Все мы тогда очень увлекались антропософией. После смерти и Белого, и Аси архив писателя попал ко мне. Если честно, произведений его я не читала, но понимала, что архив представляет собой ценность, и решила вернуть его в Москву. Но как? Куда?

Выйдя из самолета и услышав отовсюду русскую речь, увидев такие знакомые русские морды, я ахнула и подумала: «Да я же тут дома!» На все остальное мне было наплевать.

И вновь - чудо! В один из моих приездов в Москву я шла по Арбату и вдруг вижу – [Дом-музей Андрея Белого](#). Тогда в его коллекции почти ничего не было, а у меня дома стояли две огромные корзины – переписка, первые издания с дарственными надписями Асе - и я не знала, что с ними делать.

Короче, я пригласила к себе в гости – а жила я тогда в Женеве на улице Verdenne – Монику Львовну Спивак, которая навела в архиве полный порядок, а потом стала директором московского музея. Вот за возвращение этого архива мне и выдали советский паспорт - было это в 1996 году.

А Вы никогда не думали перебраться жить в Россию, ведь в Женеве Вас ничего, по большому счету, не держит?

Думала, и неоднократно. И родственники у меня там есть, которых я очень люблю и ко мне тепло относятся. Но все они занятые люди, а я никому не хочу быть обузой...

На корабле, похожем на этот, плавал морской офицер Иван Рыков
[Валентина Рыкова](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/valentina-rykova-v-moey-zhizni-byi-o-mnogo-chudes>